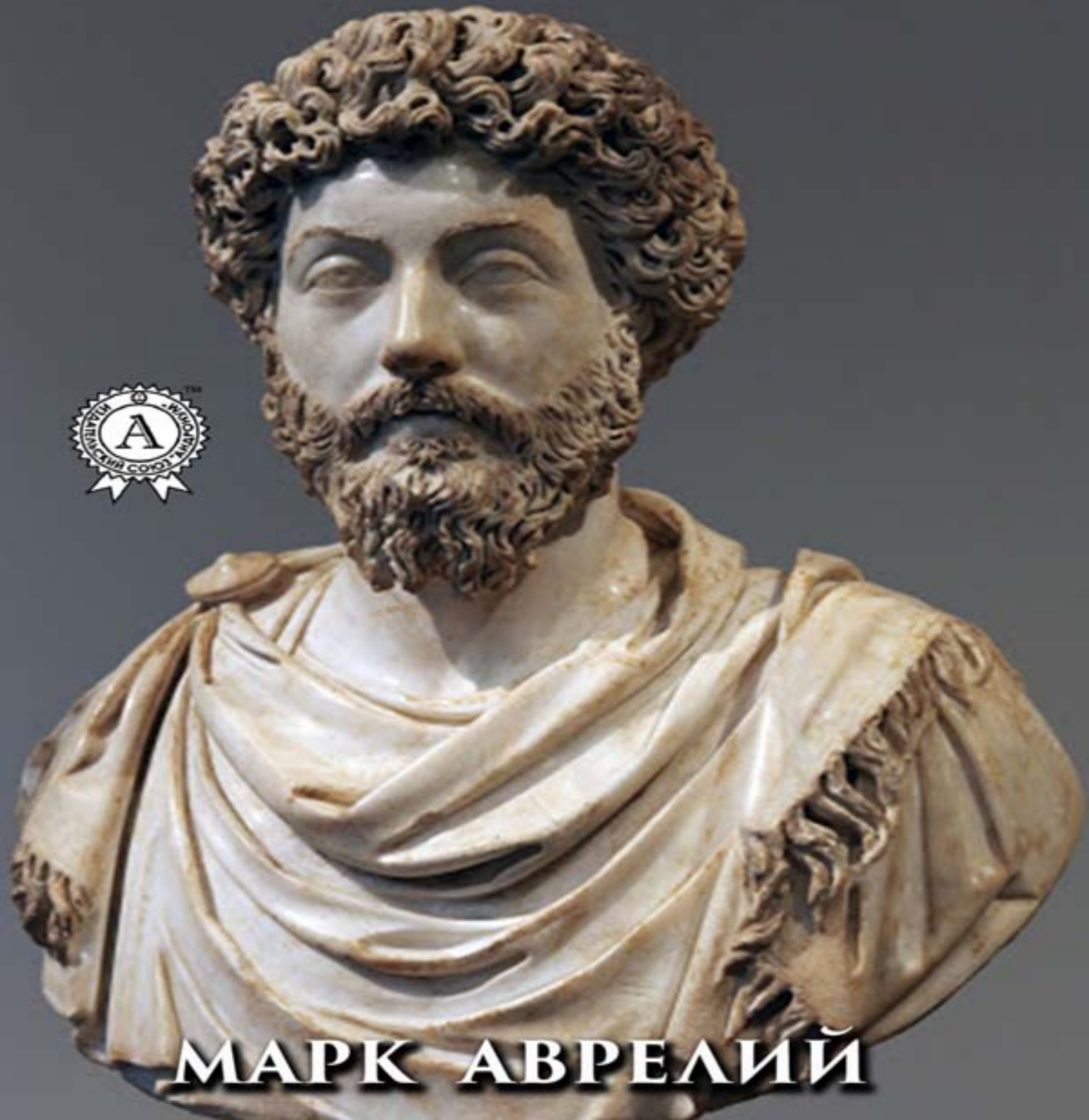

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА МАРКА АВРЕЛИЯ

МАРК АВРЕЛИЙ

Марк Аврелий

**Размышления
императора Марка
Аврелия**

«Размышления» — это личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им в 70-е гг. II в. н. э.

Император вел дневник, где размышлял над понятиями долга, чести, совести, верности и справедливости.

На страницах этого удивительного документа мы наблюдаем напряженную работу Личности над освоением достижений стоической традиции — один из первых в истории пример литературы о самосовершенствовании. Потому «Размышления» Марка Аврелия стали одним из наиболее читаемых памятников мировой литературы.

Творчество античного философа и управляющего империей привлекает современных читателей мудрыми рассуждениями, образностью, на удивление актуальными рекомендациями.

Первая книга

¹ От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

² От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

³ От матери — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

⁴ От прадеда — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

⁵ От воспитателя — равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

⁶ От Диогнета — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

⁷ От Рустика — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не

разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в stole. Благодаря ему я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете», ссудив их из своей библиотеки.

⁸ От Аполлония — свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

⁹ От Секста — благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни, согласно природе, и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом

было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

10 От Александра-грамматика я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи либо посредством другого уместного приема напоминания.

11 От Фронтон — понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что, вообще, люди, слывающие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

12 От платоника Александра я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

13 От Катула — внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также — истинная любовь к детям.

14 От брата моего Севера — любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные

благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях — они были всем ясны.

15 От Максима — самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал — в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

16 От отца — кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманных решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где

нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу — прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив — трезвость и основательность; и никогда — безвкусной погони за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой — а это судьба давала ему в изобилии, — он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, — что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как

какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти — то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии, по большей части, ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в этом — таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо,

соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе — о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях — это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.

¹⁷ От богов — то, что у меня хорошие деда, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать.

Благодеяние богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность; и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления.

Я имею такого брата, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем радовал меня и почетом и любовью.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков. Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных

занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

И то, что я познакомился с Аполлонием, Рустиком и Максимом. Часто и отчетливо возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе, а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов напоминаний и чуть ли не прямых наставлений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне была дана помощь, в особенности — против кровохарканья и

головокружения, что бывало в Кайете...

И то, что, когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

Писано в области квадов, на берегу Грануи.

Вторая книга

¹ Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную — зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

² Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и господствующего начала. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, бречное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотрй также существо жизненной силы; оно — изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое.

Итак, остается лишь третье — господствующее начало, о нем-то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

3 Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т. е. в связи с тем, над чем господствует промысел. Все проистекает из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого — ты. Для всякой части природы благо то, что производит природа Целого и что содействует ее поддержанию. Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

4 Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует, в конце концов, осознать, к какому миру ты принадлежишь, как часть, истечением какого мироправителя ты являешься. Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернется.

5 Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не потребуют.